

Постоянные переменные

О тактиках достижения адекватности при устном переводе

Д.М. Бузаджи, А.И. Шейн

Различия между переводом письменным (ПП) и переводом устным (УП), казалось бы, очевидны. Скажем, Л. Виссон, цитируя канадского исследователя Б. Харриса, приводит восемь различий в условиях их работы¹. А Джеймс Нолан пишет: «Письменный переводчик в известном смысле работает как писатель, устный — как актер. Хороший письменный переводчик тратит много времени на поиск удачных формулировок и корректных терминов, а хороший устный переводчик, если точный эквивалент в голову не приходит, должен моментально предлагать приблизительное соответствие или приемлемый перифраз, чтобы не заставлять слушателей ждать»². И все же, на наш взгляд, в отечественной дидактике УП эти различия не вполне учитываются. Складывается впечатление, что, на взгляд некоторых преподавателей и, как следствие, студентов, устный перевод отличается от письменного только формой реализации текста перевода (ТП) (форма реализации текста оригинала (ТО) в

случае перевода с листа может в УП и ПП совпадать). Но такой подход непродуктивен, и ниже мы постараемся объяснить почему.

Когда речь идет о преподавании и критике ПП, мы в принципе можем сосредоточиться только на сопоставлении ТО и ТП. Это не значит, конечно, что надо ограничиться примитивным поиском трансформаций и описанием эквивалентов. Анализ письменного перевода, проводимый с позиций функционально-коммуникативного подхода, может и должен включать в себя широкий спектр не только лингвистических, но и культурных и даже психологических факторов. Однако важно то, что сам процесс создания ТП можно, как правило, «вынести за скобки». Мы исходим из того, что время на выполнение ПП не ограничено (разумеется, сроки сдачи работы есть у всех, но речь в данном случае не об этом) и письменному переводчику в принципе доступны все справочные ресурсы и все положения теории перевода, которыми он пожелает воспользоваться. Также письменный переводчик не связан линейностью предъявления текста: он может работать над переводом, возвращаясь к сделанному

¹ Виссон Л. Синхронный перевод с русского на английский. 8-е изд. — М.: Р.Валент, 2012. — С. 10–11.

² J. Nolan. Interpretation: Techniques and Exercises. — Clevedon/Buffalo/Toronto: Multilingual Matters Limited, 2005. — P. 3. — перевод наш (Д.Б., А.Ш.)

ранее, меняя что-то местами, редактируя свои решения по нескольку раз, и т.д. Не говоря уже о том, что письменный переводчик, ознакомившись с ТО, часто имеет возможность отказаться от перевода или попросить разъяснений.

Таким образом, неудивительно, что внимание при анализе ПП сосредотачивается на результате. А письменный переводчик, задумавшись над трудным местом, как правило, не пытается сознательно применить тот или иной прием. Скорее, вариант через некоторое время приходит сам, а переводчик при необходимости может постфактум установить, какие преобразования легли в его основу, и оценить адекватность такого решения. При этом процесс обычно уходит на второй план: не так уж важно, смотрел ли переводчик в один словарь или в десять; прекратил перевод текста, пока не нашел оптимальный вариант, или вернулся к трудному месту на этапе редактуры; сохранял спокойствие или рвал на себе волосы от досады.

Оговоримся, что процесс ПП, безусловно, важен. Переводчик должен знать, как анализировать ТО, как работать со справочниками, в каком направлении поиск вариантов, скорее всего, даст результат, а в каком — заведет в тупик, и т.д. Но в УП процессу отведена куда более заметная роль. При этом мы ни в коем разе не принижаем ценности результата и в УП (условно говоря, ТП, зафиксированного на бумаге и сопоставленного с ТО). Но представим себе две полярные ситуации. Первая: говорящий обращается к слушателям на иностранном языке, которым они абсолютно не владеют, с более или менее стандартной, типичной для данной ситуации речью (поздравление, приветствие и т.п.). Переводчик перевирает факты, часть информации опускает, часть присочиняет, но выдает стилистически и просодически грамотный текст, звучит солидно и — если речь идет о переводе последовательном — уверенно держит

себя на сцене. Вторая: переводчик в целом переводит точно, однако неудачно паузирует, исправляет себя, переводит очень медленно, периодически переспрашивает оратора. И хотя ТП лучше во второй ситуации, не исключено, что продолжить сотрудничество предложат переводчику из первой, — в случае ПП такое трудно себе представить.

В настоящей статье мы хотели бы сосредоточиться на УП как процессе и рассмотреть возможные тактики поведения переводчика, способные обеспечить оптимальный результат. Согласно Э. Пиму, работа переводчика представляет собой процесс управления рисками³, и для описания УП это замечание особенно уместно. В самом общем виде можно сказать, что устный переводчик должен свести к минимуму два главных риска: исказить смысл ТО и произвести непрофессиональное впечатление на коммуникантов и заказчиков.

Во многих случаях, безусловно, одни и те же решения отражаются на обоих рисках одинаково: скажем, перепутав важную цифру, переводчик и погрешит против смысла, и подмочит свое реноме, однако нас более интересуют случаи, когда эти риски друг другу противопоставлены. Или когда малые жертвы (незначительно увеличивающие тот или иной риск) спасают от серьезных провалов. Речь пойдет о таких явлениях, как, например, переспрос при последовательном переводе. Теоретически говоря, чем больше переводчик переспрашивает, тем выше точность его перевода, но тем менее благоприятное впечатление он производит. Или прием генерализации: снижая точность, он тем не менее способен уберечь последовательного переводчика от неприемлемого искажения, а синхронного — еще и от потерь, связанных с отставанием от оратора.

³ А. Пим. *Exploring Translation Theories*. — Abingdon/New York: Routledge, 2010. — p. 165.

Подготовка переводчика

Прежде чем перейти к рассмотрению конкретных тактик, хотелось бы уточнить еще одно соображение, из которого мы исходим. Нередко в работах, посвященных устному переводу, к качеству ТП выдвигаются такие строгие требования, как если бы речь шла о ПП, а акцент с непосредственно переводческой деятельности смещается на сопоставительную семантику и стилистику языковой пары. Мы всецело приветствуем борьбу за качество, но исходим из более реалистической ситуации, когда переводчик сталкивается с некоей темой и/или организацией-заказчиком впервые и вынужден максимально эффективно распоряжаться тем запасом знаний и переводческим инструментарием, который у него накоплен на данный момент.

Ни один переводчик не может гарантировать, что в ТО ему не встретится ни одного незнакомого слова, что он в точности расслышит все реплики, несмотря на акценты и помехи оборудования, что его ни разу не подведет память, и т.д. Однако в силах переводчика, верно выбирая тактику поведения, свести влияние всех этих и многих других негативных факторов к минимуму.

Уточнить vs. догадаться

Начинающие переводчики нередко спрашивают, в какой мере при последовательном переводе допустимо переспрашивать докладчика и уточнять информацию. С одной стороны, переспрос позволяет обеспечить более полную и корректную передачу информации, с другой — может вызывать у коммуникантов недоумение или даже раздражение. Полагаем, что обоснованность переспроса тесно связана со статусом выступающего и характером ТО.

Возьмем одну крайность, когда статус говорящего очень высок, а ТО имеет неспецифический, более или менее «ритуализированный» характер: приветствие, поздравление, обмен любезностями и т.п., где на первый план выходит плавный и

четкий ход мероприятия. В большинстве подобных случаев содержание текста довольно предсказуемо, однако сами условия работы могут оказаться посложнее любых терминов. Девушки-организаторы будут в панике кричать, чтобы вы еще раз привели свои волосы в порядок, передвигать вас со сцены в зал и обратно, а присутствие большого числа зрителей, возможно, и телекамер, только добавит нервозности. Бывают ситуации, когда и блокнот для записей придется оставить в сумке. Главный фактор успеха в таком случае — хладнокровие и выдержка.

Вызавшую сомнение информацию можно восстановить из контекста, обобщить или в крайнем случае даже опустить, и это не приведет к срыву коммуникации; заминка в выступлении и переключение внимания с выступающего на переводчика в таком случае чреваты гораздо более неприятными последствиями. Можно только посоветовать переводчику постараться заранее достать текст выступления или хотя бы обговорить с выступающим основные тезисы. Не менее важно проверить микрофон и убедиться, что на отведенном вам месте вы сможете все четко услышать. Однажды на торжественном ужине на импровизированную сцену вышел зарубежный гость и обратился к аудитории. Переводчик, стоя в метре от выступающего, видит открытый рот, но звуков почти не слышит. Оказалось, что колонки, из которых доносилась речь, стояли гораздо ближе к аудитории и тыльной стороной к переводчику. Спасло ситуацию только то, что переводчик общался с иностранцем весь день, помнил, о чем говорилось на прошедших ранее встречах, и сумел коротко расспросить того о содержании выступления.

На другом полюсе расположатся рабочие переговоры, семинары, допросы, медицинские консультации, совещания с иностранными специалистами и другие мероприятия, в которых участвуют ме-

нее статусные коммуниканты, атмосфера не столько торжественная, сколько деловая. Очевидно, что в данном случае переспрос и более вероятен, и более оправдан. Переводчик действительно может столкнуться с незнакомыми для себя понятиями и экзотической лексикой, а высокая ценность (то есть малая предсказуемость) фактической информации далеко не всегда позволит снижать степень точности. Более того, в подобных ситуациях переводчик, на наш взгляд, имеет право при необходимости попросить оратора сделать паузу или вернуться к идее, высказанной им раньше, если понимает, что без этого цель коммуникации не будет достигнута.

Так, крупное американское агентство в своем руководстве для телефонных переводчиков не просто разрешает — предписывает, прежде чем переводить, уточнять каждое число, а также другую прецизионную информацию.

Подытожим. Безусловно, устный переводчик должен уметь выходить из трудных положений и порождать грамотный, связный и фактически точный текст, не привлекая к себе избыточного внимания. Однако во главу угла необходимо ставить функцию ТО и коммуникативную ситуацию. Если «ритуал» важнее нюансов содержания, логично приложить максимум усилий, чтобы этот ритуал не нарушать. Если же, напротив, самое ценное в акте коммуникации — фактические подробности, переводчику следует при возникновении сомнений их уточнять.

Знание vs. умение

Выше мы говорили о проблеме понимания ТО, но, даже если смысл высказывания понятен, это еще не значит, что переводчик может легко передать содержание на другом языке. Да, мы знаем, что такое «белый гриб», но не каждый знает или помнит его эквивалент на другом языке. Одно из направлений деятельности устного переводчика по «управлению ри-

сками» связано с выбором степени фактической точности. Разумеется, если переводчик знает точный эквивалент того или иного слова или выражения и нет сторонних факторов, мешающих его употребить, то вопросов не возникает. Однако нередко переводчик оказывается в ситуации, когда той или иной лексики на переводящем языке (ПЯ) ему не хватает. Возможны и другие варианты. Например, переводчик чувствует, что эквивалент в его памяти есть, но на то, чтобы его припомнить, потребуется слишком много времени. Или это один из тех случаев, когда эквивалент на ПЯ у переводчика вечно путается с каким-то другим словом, а на раздумья опять же времени нет: скажем, услышав «большеберцовая кость», переводчик не может сразу же сказать *tibia* это или *fibula*. В этом и других подобных случаях снижение степени точности (или терминологичности) может оказаться менее рискованным вариантом, чем попытка «угадать» и, возможно, попасть пальцем в небо.

Итак, если знание бессильно, вступает в дело умение. Мозг устного переводчика должен быть максимально гибок и искать выход из лабиринта слов максимально быстро. В помощь можно предложить вот такой знакомый всем со школы график (рис. 1):

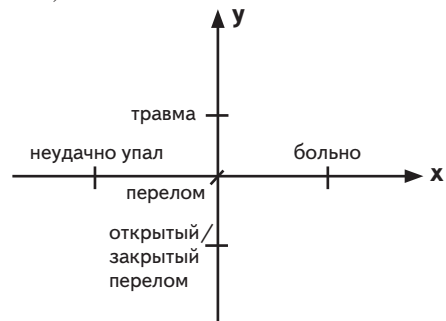

Рис. 1.

Осью y мы договоримся обозначать уровень обобщения, а ось x помогает отслеживать метонимические преобразования (причина \leftrightarrow следствие, целое \leftrightarrow

Подготовка переводчика

часть и т.д.). Это графическое представление известных приемов: генерализации, конкретизации и смыслового развития. Можно было бы добавить еще и ось *z* для экспрессивности, но пока оставим эту тему за пределами данной статьи.

Типичная ситуация ужина, когда меню на русском, а официанты на иностранном языке не говорят. Итак, вам ежики с овощами или запеченную скумбрию в томатно-соевом соусе? Что скажет уставший от восьми часов переговоров или лекции переводчик? Скорее всего: “Meat or fish?”

Переход на более высокий уровень обобщения способен выручить во многих случаях: слово *watchdog* подойдет для передачи названий организаций типа Росприроднадзора, *device* для «речевого контактора». Разумеется, цель здесь не обмануть слушателя, а обеспечить коммуникацию при дефиците фоновой информации или времени. Если переводчик не расслышал или не успел записать «20 425 385 рублей» полностью, можно дать слушателям хотя бы приблизительный ориентир — *around 20 million roubles* или объяснить, что все цифры представлены на слайде. Если оратор говорит «Это было в начале 201... года», вас всегда выручит *earlier*.

На одной конференции начало доклада выглядело следующим образом: «Согласно Указу Президента РФ от 02.05.2014 № 296 сухопутными территориями Арктической зоны определены территории Мурманской области, Ненецкого автономного округа, Чукотского автономного округа, Ямало-Ненецкого автономного округа, а также территории муниципального образования городского округа “Воркута” Республики Коми, муниципальных образований Аллаиховского улуса (района), Анабарского национального улуса (района), Булунского улуса (района), Нижнеколымского района, Усть-Янского улуса (района)...»

Если названия областей еще о чем-то скажут иностранцам, то перечисление улусов, да еще с высоким темпом, покажется тарабарщиной. В данном случае возможна компрессия вплоть до *and other territories that you can see on the map*.

Отстать vs. догнать

Одна из специфических проблем синхронного перевода — величина запаздывания, разрыва между оратором и переводчиком. Как правило, переводчику рекомендуют отпускать оратора на синтагму — смысловой и интонационный блок в составе предложения или самостоятельное короткое предложение. «В среднем они [синхронисты] дают говорящему фору в 2–3 секунды, а отставание более чем на 9 секунд создает риск “потерять” оратора, и тогда перевод становится несинхронным», — отмечает Л. Виссон⁴. Более терминологично этот процесс описан у А.Ф. Ширяева: «Ориентирование переводчика в речи оратора опирается на глубокое знание ситуации общения, прошлый опыт переводчика и прогнозирование цели, темы, смыслового содержания и языковой формы исходных высказываний. Для успешного ориентирования переводчик отстает от оратора на 1–3 секунды, выделяя в качестве объектов ориентирования смысловые звенья, которые обычно совпадают либо с интонационно-смысловыми единицами, либо со структурно-синтаксическими блоками, либо с отрезками, соответствующими шагам конструктивного процесса, происходящего в сознании переводчика»⁵.

Если говорить о рисках, то, чем больше разрыв, тем труднее сохранить в переводе нюансы фактической информации, но тем выше вероятность получить стилистиче-

⁴ Виссон Л. Указ соч. — С. 38–39.

⁵ Ширяев А.Ф. Синхронный перевод: Деятельность синхронного переводчика и методика преподавания синхронного перевода. — М.: Воениздат, 1979. — С. 100–101.

ски корректный и интонационно связанный текст. «Тот, кто “не отпускает” от себя оратора ни на секунду, рискует серьезно ошибиться, — продолжает Л. Виссон. — Синхронист, который, услышав первые два-три слова речи, сразу бросается в бой, вынужден тут же, на ходу строить фразы с неуклюжим синтаксисом или неправильными грамматическими конструкциями. Подожди он несколько секунд — такая перспектива ему бы не угрожала»⁶. Сознательно держась позади оратора, переводчик получает возможность видеть развитие мысли на более протяженном отрезке, а значит, выбирать более удачные формулировки и эффективнее применять прием компрессии, когда объем избыточной информации в переводе сокращается.

Но важно понимать, что разрыв между оратором и переводчиком может варьироваться в зависимости и от оратора, и от конкретного фрагмента речи. Так, максимальный разрыв обычно уместен в начале выступления, когда мы еще не знакомы с речевыми особенностями выступающего, при передаче шуток, пословиц, цитат, аллюзий и пр. Прецизионной информации в таких частях ТО мало, а важность риторической составляющей довольно велика. Также большой разрыв облегчает задачу переводчика в том случае, если оратор говорит недостаточно ясно, постоянно возвращается к одной и той же мысли, насыщает речь всевозможными отступлениями и т.п.

На конференции в Берлине вышедший на свободу Михаил Ходорковский произнес фразу, которая поставила переводчицу в тупик: «Не надо воспринимать меня как символ того, что в России политических заключенных не осталось. Я прошу вас воспринимать меня как символ того, что усилия гражданского общества...» В ее переводе это место прозвучало так: “I don’t want to be seen as a symbol, a symbol for a particular situation, and I don’t want to

see my personality ignoring the fact that there are still prisoners...”⁷

В тот же день Ходорковский дал интервью «Си-эн-эн», где почти дословно повторил эту фразу, и опять она создала переводчику (уже другому) затруднения: «Я не могу сказать, что я сейчас окончательно сформулировал для себя планы. Но то, что я точно для себя сформулировал: я не хочу быть символом того, что в России не осталось политических заключенных» — “I cannot say that I have exactly decided on my plans now. But what I have certainly decided for myself is that I do not want to be a symbol... that Russia does not remain a political prison... a political prisoner.”⁸

Тут есть два подводных камня: во-первых, под «меня» оратор имеет в виду свое освобождение, а под «символом» имеется в виду «пример», «доказательство». Да и само слово «символ» относится преимущественно к абстрактным понятиям плюс двойное отрицание — это и смутило наших коллег. В данном случае передачу основной мысли стоило отложить: дослушать ее до конца, ведь человек только что освободился после долгих лет тюрьмы и в таком состоянии ему может быть сложно сформулировать свои мысли. Можно было вначале дать некую «балластную» фразу вроде “Here’s what I want to say” или “I don’t want a situation, a situation where...”

И наоборот, бывают ситуации, когда разрыв стоит свести к минимуму. Например, если ТО представляет собой вопросы и ответы, переводит которые один и тот же переводчик. В таком случае заканчивать перевод вопроса (ответа) логично практически одновременно с говорящим; в противном случае велик риск пропустить начало ответа (вопроса), где может содержаться самая важная для коммуникации и непредсказуемая информация. Также сокращать запаздыва-

⁷ Источник: <https://www.youtube.com/watch?v=aiemlXrerw>

⁸ Источник: <http://edition.cnn.com/2013/12/22/world/amanpour-mikhail-khodorkovsky-interview/>

⁶ Виссон Л. Указ соч. — С. 39.

Подготовка переводчика

ние логично, когда говорящий подходит к какому-либо перечислению или другой обширной прецизионной информации (скажем, произносит что-то вроде «подобные программы уже были реализованы в...», или «за прошлый год нам удалось...», или «первые строчки общероссийского рейтинга занимают...»). Удержать в памяти большое количество конкретных названий и чисел, при этом заканчивая предыдущую мысль, довольно тяжело, а значит, если переводчик видит приближение подобного фрагмента, стоит догнать оратора и максимально облегчить синтаксическую структуру для ввода нового, информационно насыщенного блока.

Стиль vs. узнаваемость

Работа переводчика осложняется еще и тем, что постоянно приходится формировать образ своего родного языка и формировать вкусы его носителей. Что бы ни переводил переводчик, от технической документации до художественной литературы, у него всегда есть выбор: воспользоваться более привычными средствами ПЯ или составить что-то на ходу, возможно под влиянием интерференции исходного языка; адресовать свой текст более образованной аудитории (которая помнит, «как правильно») или пойти на поводу у сиюминутной моды (выбрать «как говорят») и т.п.

Переводчик и преподаватель Е.С. Шутова отмечает: «Мы, переводчики, всегда идем чуть сзади общего развития языка, чтобы сохранять баланс. Мы знаем то, что еще не очень устоялось, но используем то, что устоялось больше»⁹. Однако все же нередки случаи, когда стилистические принципы переводчика приходят в противоречие с ожиданиями того или иного коммуниканта.

Скажем, одному из авторов статьи нередко приходилось иметь дело с эмигран-

тами в США, которые, несмотря на прозвучавшие в переводе слова «страховка», «номер социального страхования», «бухгалтер» и т.п., в ответ говорили об «иншурансе», «соушл секьюрити» и «аккаунтанте». Один человек на переведенный вопрос о том, где в здании в определенный момент находился охранник, ответил в том духе, что насчет охранника не знает, а секьюрити был там-то.

Такой диссонанс типичен для узких отраслевых мероприятий, где представители отдельной компании с иностранным капиталом/руководителем или целой отрасли общаются на птичьем языке, состоящем из заимствований и англоязычных сокращений (чего стоит одно только модное слово «экспертиза» в значении «опыт»). В некоторых случаях они даже ни разу не слышали русского эквивалента, поэтому использование русских вариантов в попытке защитить чистоту языка может откровенно сбить аудиторию с толку. Специалисты уже привыкли к определенному акустическому образу, они употребляют соответствующее выражение и в офисе, и за его пределами, обсуждая работу за кружкой пива в баре. Можно сколько угодно переводить *demand-side platform (DSP)* как «платформа размещения рекламы по аукциону», но когда после доклада пять человек в своих вопросах говорят исключительно «ди-эс-пи», невольно задумаешься: а стоит ли в синхронном переводе тратить ценные секунды на то, что никому не нужно.

Письменному переводчику в этом отношении легче. Можно подумать и выбрать целостную стратегию передачи тех или иных явлений, окончательно скорректировав ее на этапе редактуры. Можно воспользоваться сносками и объяснительным переводом. Наконец, помогает и то, что в большинстве случаев письменный переводчик напрямую не участвует в ситуации, когда его текст воспринимается получателем. Если у последнего те или

⁹ <http://www.contresens.ru/post/104313318425/>
еще-про-вып-цитаты-из-дорогих-преподавателей

иные решения вызывают неудовольствие или недоумение, на переводчика это не давит. Устно же переводчику приходится ориентироваться и «управлять рисками» по ситуации.

Часто причиной необоснованных претензий являются недостаточные, но не к месту демонстрируемые познания коммуниканта в иностранном языке. Один из авторов статьи передал вопрос, начинающийся словами “Was it the first time that you saw...”, как «Вы до этого когда-нибудь встречались с...» (смысловое развитие: причина вместо следствия). Когда носитель русского ответил: «Нет», его реплика, соответственно, была передана как: “Yes, it was the first time”. Однако в этом американцы проявили ненужную бдительность: услышав знакомое им *нет*, они сочли, что перевод, начинающийся с *yes*, ошибочен.

Еще один пример. На встрече с сотрудниками российского банка британские консультанты предлагали новую планировку банковского отделения. Вот здесь, говорили они, будет стоять *meeter/greeter*. Все русские коллеги на протяжении многочисленных раундов обсуждений до этого тоже использовали английский вариант. Переводчик продолжал использовать вариант, который ему казался удачным, — «девушка, встречающая посетителей», однако именно на этой встрече один из сотрудников банка решил блеснуть и заявил: «Постойте, это неправильный перевод, это может быть и молодой человек, это важно». Остальные участники встречи с пониманием улыбнулись, шепотом посоветовали не обращать внимания на коллегу и, в конце концов, начать уже говорить *meeter/greeter*, поскольку так всем будет проще. Переводчик, правда, не сдался.

Формальная правота vs. прагматическая адаптация

Переводчики-педагоги настоятельно рекомендуют перед началом мероприятия выяснить (или хотя бы попытаться) состав аудитории, определить профессиональный, культурный и образовательный уровень. Зачем это нужно? У многих из нас в дипломе записано, что мы специалисты по межкультурной коммуникации. По словам И.В. Зубановой, переводчик должен подключить свою личность и опыт для создания текста, коммуникативно релевантного для иностранных слушателей¹⁰. Ведь переводчик может употребить прекрасный оборот или найти для какого-то понятия замечательный эквивалент, но если его клиент не понимает значения этого оборота или настолько привык к другому способу выражения понятия, что не узнал его в переводе, то выигрыш от объективно корректного решения померкнет перед ущербом от непонятой информации. (В отличие от предыдущего раздела, здесь речь идет не о стилистических предпочтениях, а об ограничениях, которые накладывает плохое владение языком или нехватка фоновых знаний у реципиента.)

Поэтому мы должны каждый раз задаваться вопросом: а поймет ли аудитория? И тогда в переводе к «Клину» вы обязательно, но ненавязчиво добавьте *the town of*, к «салату под шубой» приставите *a traditional salad called*, дадите описательный перевод для «НИИЧАВО», при необходимости растолкуете реалии, даже если речь идет о синхронном переводе и на это потребуются лишние усилия и секунды. Как отмечает А. Фалалеев, отказ от «формальной правоты», т.е. перевода «в том же стиле, со всеми идиомами и реалиями», важен не только для комфортного восприятия слушателей вашей языковой пары,

¹⁰ И.В. Зубанова. Открытая лекция. Синхронный перевод. Институт УНИК <https://www.youtube.com/watch?v=7c8NTRAUoy8>

Подготовка переводчика

но и – в случае перевода через реле – для коллег в других кабинетах¹¹, которым еще предстоит донести это до своих подопечных, учитывая и их национальную и прочую специфику.

И.В. Зубанова разбирает это на примере простой фразы: «О русском взяточничестве писали еще Гоголь и Некрасов». Для иностранных специалистов-славистов фамилий будет достаточно, для совсем неподготовленной аудитории лучше будет отказаться от фамилий и выйти на более высокий уровень обобщения – *classical 19th century Russian writers/literature*, а если уровень аудитории неизвестен применить «разноуровневое дублирование» – *classical 19th century Russian writers Gogol and Nekrasov*.

Приведем примеры из собственной практики. Однажды на Крайнем Севере гостеприимные хозяева предложили разношерстной международной делегации на подносе оленину. Можно было бы погордиться своей памятью и сообщить о поданном *venison*, но поскольку перед переводчиком стояло три китайца, два вьетнамца и немец, пришлось сделать выбор в пользу *reindeer meat*.

А недавно российский президент, выступая на пресс-конференции с премьером Греции, заявил: «И мы совсем не ждем от Греции совершения подвигов Геракла, и вряд ли Греции удастся очистить Авгиевы конюшни европейской бюрократии». На сайте *kremlin.ru* дается точный перевод: “We do not expect Greece to repeat the Labours of Hercules, and Greece is unlikely to clean the Augean stables of European bureaucracy.”¹² Однако носители английского языка посоветовали отказаться от передачи слова «Авгиевы», так как большинство слушателей перевода данной пресс-конференции

вряд ли будут столь сведущи в этом нюансе греческой мифологии, как русские. Оба носителя языка, кстати, тоже были не в курсе. Поэтому в данном случае вместо мучительных попыток вспомнить, как же произносится *Augean*, оптимальным вариантом, пожалуй, был бы следующий: “We do not expect Greece to repeat the Labours of Hercules, and Greece is unlikely to clean the messy stables of European bureaucracy”.

Но с адаптацией не стоит и перебарщивать. И здесь хотелось бы вспомнить два случая. В первом представители корейского автопрома специально попросили переводить обсуждение на фокус-группе для своего начальника максимально громко, четко и просто. Во втором случае переводчик сам на основании 10-ти летнего опыта подобных мероприятий решил упростить лексику и синтаксис, снизить темп и отказаться от экспрессии, поняв, что француженка, представлявшая заказчика, не только с трудом говорит, но и недостаточно хорошо понимает по-английски. Решение нужно было принять заранее, поскольку переводчик знал: он будет сидеть в отдельном помещении, и у слушательницы не будет возможности его переспросить. Если в первом случае корейцы остались довольны, то во втором вышел неприятный инцидент. Как оказалось, в ходе мероприятия в комнату к француженке пришли ее русские коллеги, которые после дискуссии не удержались и, в отличие от иностранки, выразили неудовлетворение «нудным и скучным» переводом, «прямо как у этого, гнусавого, который фильмы озвучивал». Конечно, нужно еще учитывать национальные особенности – вежливость и тактичность корейцев и несдержанность русских по отношению к «обслуживаемому персоналу». Агентство, заказавшее перевод, впоследствии перед переводчиком извинилось.

От подобных случаев не застрахованы даже самые опытные переводчики.

¹¹ А. Фалалеев, А. Малофеева. Упражнения для синхрониста. Зеленое яблоко. Самоучитель устного перевода с английского языка на русский. — СПб.: Перспектива, Юникс, 2014. — 187 с.

¹² <http://en.special.kremlin.ru/events/president/news/52024>

Поэтому по возможности нужно заранее узнать состав клиентов, для которых вы будете переводить. Если их несколько, то уточнить их предпочтения по темпу и экспрессивности и ориентироваться на самого статусного представителя, а в перерыве, если это возможно, еще раз удостовериться, что заказчика все устраивает. Если аудитория слишком большая, то следует ориентироваться на некий усредненный уровень.

В поисках алгоритма

Как нам кажется, действия переводчика по нейтрализации описанных выше факторов риска можно свести к определенному алгоритму. Предполагается, что переводчик слышит речь приемлемого качества с точки зрения акустики (нормальный уровень громкости, отсутствие помех). Мы не рассматриваем здесь случаи, когда приходится работать в иных обстоятельствах, но при их возникновении рекомендуем незамедлительно уведомить организаторов о том, что, вероятнее всего, высокое качество вам гарантировать не удастся.

Итак, в процессе перевода профессионал отвечает себе на три основных вопроса:

1. Понятен ли ему смысл высказывания?
2. Имеется ли вариант перевода в активной памяти?
3. Является ли перевод коммуникативно релевантным для аудитории?

Второй этап касается как случаев, когда эквивалент не известен, так и ситуаций, когда он вертится на языке и с помощью балластных фраз или перестановок можно выиграть время и вспомнить его.

Под переводческими трансформациями имеются в виду преобразования согласно предложенному в разделе «Знание vs. умение» графику (см. стр. 47).

Схема (см. рис. 2) представляется универсальной для устного перевода, хотя, безусловно, в версии алгоритма для синхронного перевода потребуются ввести дополнительный уровень принятия решения о корректировке синтаксической структуры и дополнительной компрессии и в случае очень высокого темпа.

И последнее. Авторы уверены в необходимости доведения до автоматизма как навыков принятия быстрых решений в соответствии с алгоритмом, так и умения осуществлять трансформации. У начинающего переводчика просто не будет времени на то, чтобы растеряться: его мысль движется по заранее выстроенным схемам, а сам он четко уверен, что с помощью преобразований может подобрать адекватный вариант для любого неизвестного или позабытого слова или выражения.

Безусловно, это идеал, но к нему можно и нужно стремиться. Добиться этого можно с помощью комплексной системы упражнений. Многие из них были предложены еще в конце 1950-х Р.К. Миньяр-Белоручевым, чуть позже Г.В. Черновым, свою методику используют И.В. Зубанова и И.В. Полуян, интересные задания предложил в недавней серии пособий А. Фалалеев. Упражнения должны сочетаться с практической работой на занятиях, комментариями педагога и интенсивной домашней работой (с наушниками, диктофоном, камерой). Задача педагога состоит не только и не столько в том, чтобы дать обучающимся определенный лексический пласт лексики и указать им на более точные варианты (они всегда приходят быстрее, если наблюдать со стороны, а не переводить самому), а научить их молниеносно делать трудный выбор между вариантами с учетом рассмотренных выше факторов риска.

Рис. 2. Универсальная схема для устного перевода